

УДК 82 (091)

М. Н. Капрусова

Капрусова Марина Николаевна — доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических дисциплин и методики их преподавания Борисоглебского филиала ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», kaprusova@mail.ru

ВЛИЯНИЕ РОМАНА М. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» НА ТЕКСТ РОК-КОМПОЗИЦИИ «КРОВЬ ЗА КРОВЬ» М. ПУШКИНОЙ (ГРУППА «АРИЯ»)*

Статья посвящена рассмотрению влияния романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» на текст рок-композиции «Кровь за кровь» М. Пушкиной. М. Пушкина в своем сочинении взаимодействует и собственно с текстом романа, и с его восприятием массовым читателем («булгаковский миф» и созданная массовым сознанием «сказка» на основе романа). Стихотворение М. Пушкиной ориентировано на роман Мастера, героем является Понтий Пилат. Для автора стихотворения характерно бережное и уважительное отношение к роману М. Булгакова: налицо система аллюзий, обращение к крылатым выражениям из романа. Однако название и общая концепция стихотворения полемизирует с концепцией булгаковского романа. В романе «Мастер и Маргарита» милосердие — высшая добродетель. М. Пушкина в своем тексте воспевает справедливость.

Ключевые слова: аллюзия, роман, текст, стихотворение, рок-композиция, влияние, концепция

Kaprusova M. N.

INFLUENCE OF THE NOVEL “MASTER AND MARGARITA” BY M. BULGAKOV ON THE LYRICS OF THE ROCK-COMPOSITION BY M. PUSHKINA “BLOOD FOR BLOOD” (“ARIA” GROUP)

This article reviews the influence of the novel “Master and Margarita” by M. Bulgakov on the lyrics of the rock-composition “Blood for blood” by M. Pushkina. In her composition M. Pushkina interacts as much with the text of the novel, as with its perception by the general public (“Bulgakov’s myth” and the “tale” created around the novel by the general consciousness). The song created by M. Pushkina is oriented on the Master’s novel, its hero being Pontius Pilate. A careful and respectful reference to the M. Bulgakov’s novel is characteristic for the song’s author: a system of allusions is present, a reference to the idioms from the novel. Nevertheless, the title and the general concept of the song polemicizes with the concept of the novel by Bulgakov. In the novel “master and Margarita” mercy is the highest virtue. In her lyrics M. Pushkina sings of justice.

Keywords: allusion, novel, lyrics, text, song, rock-composition, influence, concept

Воздействие романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» как культурного феномена на произведения современной литературы проявляется по-разному: 1) через взаимодействие собственно с текстом романа; 2) посредством влияния на современную литературу «булгаковского мифа» [3; 6]; 3) через развенчание «булгаковского мифа» в современной литературе [13]; 4) посредством влияния на современную литературу созданной массовым сознанием «сказки» на основе романа [23, с. 250].

Влияние текста романа на другое произведение может реализовываться следующим образом: 1) через цитирование в тексте строчек из романа, ставших крылатыми (например, «Девятый том» Л. Петрушевской, романы А. Марининой «Седьмая жертва», «Незапертая дверь» и др. [9]); 2) через обращение к центральным, значимым для любого читателя, сценам булгаковского романа (например, повесть «Вечная мерзлота» Н. Садур [5], фэнтези А. Белянина [8]); 3) через перенесение действия в места, связанные с романом Булгакова (например, на Патриаршие пруды [14]); 4) через обращение в современном произведении к булгаковским образам (например, фэнтези А. Белянина [8], поэзия Е. Иса-

евой [12], сетература, «звучавшая поэзия» [4; 11; 15]); 5) через наличие в современном тексте системы аллюзий на булгаковский роман (например, «Поэма без героя» А. Ахматовой [18, с. 161–164, 166–168, 171–175; 21, с. 206; 22; 7]); 6) через отсылку в современном произведении к мировоззренческой позиции Булгакова, выраженной в его закатном романе (например, роман «Отягощенные злом» А. и Б. Стругацких [2]); 7) через установку современного автора на спор с восприятием романа обывателями [9]; и др.

Можно говорить о трех волнах «булгаковского бума», связанных со знаковыми публикациями романа «Мастер и Маргарита» (1966–1967 гг., журнал «Москва»; 1973 г., издательство «Художественная литература», тираж 30 000 экземпляров; годы Перестройки, когда роман выходил в разных издательствах огромными тиражами и, наконец, стал доступен всем желающим).

В конце XX — начале XXI в. отношение к роману Булгакова несколько изменилось. Для многих текст лишился своего мистического флер. Покачнулась вера в «булгаковский миф» и даже началось его развенчание. В адрес романа стали раздаваться критические замечания. Думается, такая реакция

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «М. А. Булгаков: pro et contra. История и современное отношение к наследию Михаила Булгакова» № 18–012–00374.

явились протестом против раздававшихся на протяжении десятилетий высказываний: «гениальный писатель», «гениальный, культовый роман» и т. д. Миф перестает быть мифом, когда писатель делается официальным (например, попадает в школьную программу) и/или «модным» (его становится «принято» читать, его образ и образы героев тиражируются и выпрямляются). В результате перехода в статус «модных» частью социума произведение начинает восприниматься «массовой культурой». Миф превращается в подобие сказки. Бытование этого феномена и его воздействие на людей, которые сначала о романе услышали, познакомились с его интерпретациями, а потом прочитали, вызывает к жизни ситуацию, о которой сказал в своем докладе «Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» в «массовом сознании»» В. М. Акимов. Докладчик привел характерную модель восприятия романа в массовом сознании:

«жили были хорошие люди Мастер и полюбившая его Маргарита, но плохие люди их замучили. И тогда явился добный дьявол Воланд, который их понял, защитил, обидчиков наказал, а милых любовников освободил от всех житейских забот — наградил “покоем”!..» [23, с. 250].

С вариациями этой «сказки» чаще всего и вступают в полемику современные писатели, далекие от масскультуры, впитавшие скепсис нашей эпохи.

К таким произведениям относится рок-композиция «Кровь за кровь» (гр. «Ария», автор текста М. Пушкина). Стихотворение ориентировано на роман Мастера, героем является Понтий Пилат. Весь текст, кроме последней строфы, полон аллюзий на роман «Мастер и Маргарита». Приведем примеры. Причем первая цитата всегда будет цитатой из «Кровь за кровь», а пояснения и цитаты из романа «Мастер и Маргарита», предположительно повлиявшие на текст М. Пушкиной, будут даваться в скобках.

1. «Древний град Иерусалим довлеет над тобой, / Понтий Пилат...» [20]

[М. Пушкина отказывается от выбранного М. Булгаковым именования города — Ершалаим. Однако суть взаимоотношений Пилата и вечного города — булгаковская. «Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город» [1, с. 290]. Пилат ненавидит этот город, потому что не может быть в нем самим собой. Слова «кесарь» и «карьера» словно парализуют его. Смелый воин, он на должности прокуратора проявил слабость. Город — воплощение чуждой культуры и власти кесаря, которого в глубине души Пилат не уважал, но был вынужден славить, — оказался сильнее прокуратора, подавил его волю [1, с. 30–31, 32–33, 35, 38, 290, 294, 295, 310, 311].

«— Ненавистный город..., — вдруг почему-то пробормотал прокуратор и передернул плечами, как будто озяб, а руки потер, как бы обмывая их, — если бы тебя [Иешуа]. — М. К.] зарезали перед твоим

свиданием с Иудой из Кириафа, право, это было бы лучше» [1, с. 33].

Пилату, посылающему Иешуа на смерть, очень хочется переложить на кого-нибудь ответственность. Этот кто-то для Пилата — «довлеющий» над ним город.]

2. «Ты готов сорваться в Рим, махнуть на все рукой, / Забрав с собой солдат...»

[«— Очень хорошая мысль, — одобрил прокуратор, — послезавтра я ее [когорту Молниеносного — М. К.] отпушу и сам уеду, и — клянусь вам пиrom двенадцати богов, ларами клянусь — я отдал бы многое, чтобы сделать это сегодня!» [1, с. 295]]

3. «Ты устал от этих лиц, / От чужой, неискренней земли...»

[Эти строки перекликаются с первыми. Но если в первом случае главенствует тема истинной и мнимой власти, то сейчас актуализируются темы неискренности, лживости, предательства. Пилат видит вокруг себя не лица, а маски. Он и сам иногда лицедействует, но через силу, он с наслаждением становится собой настоящим. Яркими примерами являются описание лживого радушия Иуды по отношению к Иешуа, разговор Пилата с первосвященником [1, с. 31, 35–39]. «Нет более безнадежного места на земле», — говорит Пилат об Ершалаиме. И добавляет: «Все время тасовать войска, читать доносы и ябеды, из которых к тому же половина написана на тебя самого! Согласитесь, что это скучно» [1, с. 295].]

4. «Боль тупая бьет в висок, / Дню мучений выпал срок...»

[На первый взгляд кажется, что М. Пушкина отсылает читателя к описанию физических страданий Пилата: «О боги, боги, за что вы наказываете меня?.. Да, нет сомнений, это она, опять она, непобедимая, ужасная болезнь... гемикрания, при которой болит полголовы... от нее нет никакого спасения...» [1, с. 20]. Булгаков фиксирует внимание читателей на описании страданий Пилата: «Не удержавшись от болезненной гримасы, прокуратор искоса, бегло проглядел написанное <...> и с трудом проговорил <...>; «Прокуратор был как каменный, потому что боялся качнуть пылающей адской болью головой» [1, с. 20, 21]. Но скоро читатель понимает, что не это самое страшное, а то, что для Пилата «выпал срок» нравственных мучений, и продолжаются они очень долго: «Мысли понеслись короткие, бесвязные и необыкновенные: «Погиб!..», потом «Погибли!..» И какая-то совсем нелепая среди них о каком-то бессмертии, причем бессмертие почему-то вызвало нестерпимую тоску» [1, с. 31]. «<...> Виновата была, вероятно, кровь, прилившая к вискам и застучавшая в них <...>» [1, с. 30]. Затем Пилата посетило видение, а потом появилось предчувствие грядущего страдания. Ночью (после казни Иешуа) на прокуратора второй раз «пала тоска». «Потирая висок, в котором от адской утренней боли осталось только тупое, немного ноющее воспоминание, прокуратор все силился понять, в чем причина его ду-

шевных мучений» [1, с. 300]. Как видим, Булгаков дает описание двух типов головной боли. Одна — пылающая — замыкала мысли и чувства Пилата на себе, и ему ни до кого и ни до чего не было дела. Вторая же — тупая и ноющая — не способна отвлечь от душевных мучений, наоборот, эта боль питает их. М. Пушкина включила в свой текст ключевые булгаковские словосочетания (*кровь застучала в висках; тупое, немного ноющее воспоминание о боли*). Так она обозначила подлинную природу страданий своего героя. Это своего рода игра с читателем: правильно воспримет текст М. Пушкиной лишь тот, кто хорошопомнит роман М. Булгакова.]

5. «Кровь за кровь!

В том воля не людей, а богов.

Смерть за смерть!»

[Эти строки интересны тем, что могут выражать одновременно и точку зрения героя (Понтия Пилата) по отношению к Иуде, и авторскую точку зрения по отношению к герою (Понтию Пилату). При первом варианте прочтения анализируемых строк налицо аллюзия на роман Булгакова, в котором Иуда гибнет по приказу Пилата, и это акт мести. Возможно и второе прочтение. Тогда это пример спора современного автора с Булгаковым. Роман «Мастер и Маргарита» показывает, что милосердие выше справедливости. Название текста М. Пушкиной и анализируемые строки прославляют справедливость и месть. Следовательно, доминирует второй вариант прочтения цитаты.]

6–8. «Ты должен не роптать, а терпеть.

Здесь твой ад!

Ты знаешь — нет дороги назад.

Пей свой яд!

Пей, прокуратор Понтий Пилат».

[Теперь очевидно, что предыдущие строки являлись авторской точкой зрения и были обращены к Пилату.

Булгаковский Пилат все время ропщет: «— И ноюсь, и при луне мне нет покоя. О боги!» [1, с. 311]; «— Он говорит, — раздался голос Воланда, — одно и то же. Он говорит, что и при луне ему нет покоя и что у него плохая должность» [1, с. 370]. По мнению автора текста «Кровь за кровь», даже на это Пилат не имеет права. Булгаков считал, что существует «такая ночь, когда сводятся счеты» [1, с. 368], а милосердие выше справедливости (потому и прощены Фрида и Понтий Пилат). М. Пушкина, творящая в эпоху постмодерна, автор, пишущий для группы «Ария» с ее жесткой, максималистской позицией, не разделяет мировоззренческие установки автора романа «Мастер и Маргарита», спорит с ним.

Булгаковский Пилат знает, что «нет дороги назад».

«<...> Прокуратор все силился понять, в чем причина его душевных мучений. И быстро он понял это, но постарался обмануть себя. Ему ясно было, что сегодня днем он что-то безвозвратно упустил, и теперь он упущенное хочет исправить какими-то

мелкими и ничтожными, а главное, запоздавшими действиями» [1, с. 300–301].

Попытка обмануть себя — тоже проявление трусости и малодушия. И если Булгаков, рисуя психологическое состояние своего героя, старается вызвать к нему у читателей сочувствие, то М. Пушкина заостряет выраженную в романе мысль об ответственности человека за свои поступки. Отсюда вывод автора текста «Кровь за кровь»: если ты заслуживаешь ада, то прими наказание, а если не в силах вынести нравственное страдание, то «пей свой яд», не ропща и не мечтая, что все как-то само устроится. Слова о яде — прямая отсылка к роману «Мастер и Маргарита». В сцене допроса Иешуя Понтием Пилатом о яде упоминается не единожды: «И мысль об яде вдруг соблазнительно мелькнула в большой голове прокуратора»; «И опять померещилась ему чаша с темной жидкостью. «Яду мне, яду...»; «— Истина прежде всего в том, что у тебя болит голова, и болит так сильно, что ты малодушно помышляешь о смерти», — говорит Пилату Иешуя [1, с. 25, 26].

Одновременно процитированные нами строки М. Пушкиной — спор героя стихотворения с героями Булгакова — Иешуя, Мастером и повествователем.]

9–10. «Над Голгофой — траур мглы,

Ты чувствуешь беду,

Ты сам не свой».

[Здесь М. Пушкина переосмысливает булгаковскую концепцию. М. Пушкина прибегает к приему психологического параллелизма: *траур мглы // предчувствие беды у Пилата*. Автор текста «Кровь за кровь» допускает временное смещение: у Булгакова предчувствие у Пилата появилось задолго до казни и прихода тучи (знакомия) [1, с. 26, 30–31, 33, 36–37]. Булгаковский Пилат тоныше, необыкновенное. Вспоминаются строки Т. Кибирова о Пилате, «который, конечно, / уж совсем не такой симпатичный-трагичный, / как в «Мастере и Маргарите» [16, с. 542]. Позиции М. Пушкиной и Т. Кибирова в данном случае сходны.

Словосочетание *траур мглы* — одновременно и отсылка к роману, и спор с ним. Напомним, что Булгаков использует слово *тьма*: «Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город» [1, с. 290]. Понятие *тьма* в этой сцене синонимично понятию *хаос*. В том-то и заключался трагизм ситуации, как подчеркивает Булгаков, что ощущения траура после смерти Иешуа у жителей Ершалаима не было. Они не поняли, что по их желанию казнили *Свет, гармонию*. Для булгаковского Пилата пришедшие тьма и ураган — благо. Они соответствуют состоянию его души [1, с. 291–292].]

11–12. «Меж солдат, от зноя злых,

Твоих решений ждут

Два вора и святой».

[Первая строчка — прямая отсылка к булгаковскому тексту: «<...> но жар еще был невыносим,

и солдаты в обоих оцеплениях страдали от него, томились от скуки и в душе проклинали трех разбойников, искренне желая им скорейшей смерти»; «Томление солдат и брань их по адресу разбойников были понятны» [1, с. 168, 169].

Две следующие строки являются переосмыслением рассказанной Булгаковым истории. Осужденные ждали решения Пилата раньше. Теперь же воры ждут только смерти. А в Иешуа сосуществуют божественное и человеческое начала. Он прозревает свое будущее, но не может не удивляться духовной слепоте и слабости окружающих его добрых людей:

«— Он сказал, <...> что благодарит и не винит за то, что у него отняли жизнь»; «Единственное, что он сказал, это, что в числе человеческих пороков одним из самых главных он считает трусость»; «Он все время пытался заглянуть в глаза то одному, то другому из окружающих и все время улыбался какой-то растерянной улыбкой» [1, с. 296–297].]

13–14. «Он безумен, видит Бог,
Виноват лишь в том, что одинок.
Но ты шепчешь приговор,
Иудейский царь распят, как вор!»

[М. Пушкина акцентирует внимание читателя / слушателя на понятиях, важных для Булгакова при характеристике героя: *безумен / не безумен; виноват / не виноват* (и в чем?); *одинок*. Однако Пилат М. Пушкиной видит ситуацию и ведет себя иначе, чем Пилат Библии или Пилат Булгакова. Булгаковский Пилат готов объявить Иешуа безумцем, чтобы спасти, но на самом деле таковым его не считает [1, с. 24, 28, 30, 32, 36–38]. Иешуа дважды подтверждает, что он одинок в мире [1, с. 22, 33]. Но, конечно, по мнению Булгакова, это не вина. По Булгакову, Иешуа виновен лишь перед лживой и преступной властью, которой не нужна правда. Это понимает и булгаковский Пилат. Итак, М. Пушкина либо концептуально расходится с Булгаковым и создает свой образ Пилата, либо не совсем удачно сформулировала свою мысль.

Словосочетание *ты шепчешь приговор* позволяет заключить, что более вероятно наше первое предположение. Библия использует формулу *сказал* [19, гл. 19: 14–15], Булгаков — *закричал, прокричал* [1, с. 41–42]. Шепот здесь — то же самое, что умывание рук Пилатом в Библии. Пилату у М. Пушкиной не хватает силы ни на то, чтобы отменить казнь, ни на то, чтобы громко объявить приговор.]

15–16. «В серебристый сон
Ты бы с ним ушел
По дороге вечных звезд.
Над простором строгих гор
Ты бы перед ним
На колени встал,
Не стыдясь ни слов, ни слез.
Кто любил — тот и распял...»

[Прогулка Пилата по лунному лучу описывается в романе Булгакова несколько раз [1, с. 309–310, 370–371, 383]. Есть в сне Пилата и момент, когда,

услышав, что казни не было, Пилат плакал или смеялся. Но на колени перед Иешуа Пилат не становился. Это вообще не в характере булгаковского героя.]

Герой М. Пушкиной слабее героя Булгакова. Он хуже владеет собой, менее сдержан. Для него характерно открытое проявление чувств. Создается парадоксальная ситуация: для героя М. Пушкиной его крест оказался слишком тяжел, значит, вина его меньше, ведь крест должен быть по силам, но автор текста, сочувствуя героя, все же наказывает его строже, чем Булгаков своего Пилата. Почему? Ответ на этот вопрос, по нашему мнению, дает финал стихотворения.

В последней строфе автор стихотворения совершенно отходит от текста романа. Видимо, М. Пушкину не устраивает булгаковский финал, а главное трактовка финала «булгаковским мифом» (как справедливый) и массовым сознанием (как счастливый). Для рок-культуры вообще характерна жесткость позиции по отношению к отступникам. Поэтому М. Пушкина в последней строфе обращается не к мысли, что любой счет можно оплатить и закрыть, а к историческому преданию, легенде. Согласно швейцарской легенде, Пилат стал самоубийцей (утопился в горном озере), после смерти не знает покоя, а в Страстную пятницу дьявол извлекает его со дна, поднимает на окружающие озеро скалистые горы и пытается смыть с него пятна позора [17, с. 325]. Эта легенда почти дословно приведена в заключительных 10 строчках стихотворения:

Ты хотел найти покой
На дне озерных вод,
Понтий Пилат.
Ты стал сам себе судьей,
Но смерть твоя не в счет
Для вечной Силы Зла.
Дьявол помнит о тебе,
Он в Страстную Ночь идет к воде,
Жаждет смыть с тебя позор,
Но все тщетно до сих пор.

Таким образом, автор текста вступает в творческий спор с Булгаковым (ведь, как считают исследователи, Булгакову была известна швейцарская легенда [17, с. 325–326], он использовал ее в тексте, но придумал свой финал). Однако финал этот можно трактовать по-разному: ведь то, что Пилат и Иешуа «договорились», мы узнаем из сна И. Н. Поньрева. Однозначно (как счастливый) трактует финал романа массовое сознание. С ним текст «Кровь за кровь» и полемизирует. Постмодернистская эпоха не приемлет романтических или сказочных финалов.

Для автора стихотворения характерно бережное и уважительное отношение к роману Булгакова: налицо система аллюзий, обращение к крылатым выражениям из романа. Однако важнее то, что название и общая концепция стихотворения полемизирует с концепцией булгаковского романа,

в котором милосердие — высшая добродетель. Автор стихотворения воспевает справедливость. И все же по содержанию анализируемый текст в первую очередь демонстрирует протест против массового сознания и лишь во вторую — скепсис по отношению к «трижды романтическому мастеру» [1, с. 371].

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков М. А. *Мастер и Маргарита* // Булгаков М. А. Собрание сочинений: в 5 томах. Т. 5. — М.: Художественная литература, 1992. — 734 с.
2. Капрусова М. Н. Булгаковская традиция в романе Стругацких «Отягощенные злом» // Актуальные проблемы современной литературы: сб. материалов межвузовской научно-практической конференции. — Курган, 2002. — С. 25–33.
3. Капрусова М. Н. «Булгаковский миф»: вариант определения и описания // Русская литература XX — XXI веков: проблемы теории и методологии изучения: материалы Второй международной научной конференции 16–17 ноября 2006 года. — М.: Изд-во МУ, 2006. — С. 116–120.
4. Капрусова М. Н. «Булгаковский миф» в современной русской «звучящей» и сетевой поэзии // Michail Bulhakov, jego czasy i my = Михаил Булгаков, его время и мы: коллективная монография / под ред. Гжегожа Пшибинды и Януша Свежего. — Краков: Издательство «Scriptum», 2012. — С. 575–588.
5. Капрусова М. Н. «Булгаковский миф» и его отражение в повести Н. Садур «Вечная мерзлота» // М. А. Булгаков и булгаковедение в научном и образовательном пространстве: сборник научных статей. — Москва; Ярославль: Ремдер, 2011. — С. 98–103.
6. Капрусова М. Н. «Булгаковский миф» и его эволюция // Проблемы целостного анализа художественного произведения: межвузовский (с международным участием) сборник научных и научно-методических статей. Вып. 6. — Борисоглебск, 2006. — С. 6–20.
7. Капрусова М. Н. Булгаковский текст в «Поэме без героя» А. Ахматовой // Пушкинские чтения. Филология в XXI веке: проблемы и методы исследования: материалы научной конференции / под ред. Т. В. Малышевой, Н. Е. Синичкиной. — СПб., 2004. — С. 186–193.
8. Капрусова М. Н. Варианты проявления булгаковской традиции в романах А. Белянина: некоторые замечания // М. А. Булгаков: Русская и национальные литературы: материалы международной научно-практической конференции 9–11 октября 2017 г. — Ереван: Издательский дом «Антарес», 2017. — С. 198–205.
9. Капрусова М. Н. Мотив кризиса веры в поэзии последней четверти XX — начала XXI в.: два диалога с М. А. Булгаковым // М. А. Булгаков и булгаковедение в научном и образовательном пространстве: сборник научных статей. — Москва; Ярославль: Ремдер, 2011. — С. 209–214.
10. Капрусова М. Н. О взаимоотношениях массовой и «литартной» культуры (на примере романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита») // Изучение и преподавание литературы в школе и вузе: материалы межрегиональной конференции. — Борисоглебск, 2008. — С. 100–103.
11. Капрусова М. Н. Образ булгаковской Маргариты в современной поэзии: основные тенденции // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. — 2015. — № 3. — С. 42–48.
12. Капрусова М. Н. Образ ландышей в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» как отражение и отражающее // Поэтика художественного текста: материалы IV Международной заочной научной конференции / под ред. М. Н. Капрусовой, С. Ю. Толоконниковой. — Борисоглебск: ООО «Кристина и К», 2015. — С. 125–137.
13. Капрусова М. Н. Один из вариантов отношения к «Булгаковскому мифу» в современной литературе: юмор, ирония, самоирония, сатира // Юмор и сатира в координатах XXI века: сборник научных статей по материалам I Международной научно-практической конференции 1 апреля 2015 года (Варна, Болгария) / Хумор и сатира в координатах на XXI век: сборник научных статей по материалам от I Международной научно-практической конференции на 1 апреля 2015 г. (град Варна, Республика България) / под ред. М. Н. Капрусовой, Р. Е. Тельпова. — Варна: Център за научни изследвания и информация «Парадигма», 2015. — С. 40–44.
14. Капрусова М. Н. Семантика образа Патриарших прудов в русской литературе последней трети XIX — начала XXI в.: направление эволюции // Михаил Булгаков в потоке российской истории XX — XXI веков: Материалы Шестых Международных научных чтений, приуроченных к дню ангела писателя (Москва, ноябрь 2015 г.) / Музей М. А. Булгакова. — М., 2016. — С. 43–67.
15. Капрусова М. Н. Цикл И. Жука «Мастер и Маргарита» в контексте булгаковской традиции // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. — 2014. — № 3. — С. 66–71.
16. Кибирев Т. Стихи о любви. — М.: Время, 2009. — 896 с.
17. Лесскис Г., Атарова К. Путеводитель по роману Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». — М., 2007. — 520 с.
18. Маликова Л. Н. А. Ахматова: Эпоха. Личность. Творчество. — Таганрог, 1996. — 183 с.
19. От Иоанна Святое благовествование // Святое Евангелие. — М.: Сибирская Благозвонница, 2016. — 384 с.
20. Пушкина М. Кровь за кровь // http://www.peoples.ru/art/music/rock/aria/krov_za_krov.shtml
21. Сахаров В. И. А. Ахматова и М. Булгаков // Ахматовские чтения. Вып.1: «Царственное слово». — М.: Наследие, 1992. — С. 203–206.
22. Тропкина Н. Е. Структура художественного пространства в «Поэме без героя» Анны Ахматовой и в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Из истории советской литературы: межвуз. сб. — Пермь, 1992. — С. 72–79.
23. Федоров В. С. Международная научная конференция «Михаил Булгаков в XXI веке. К 40-летию выхода в свет романа «Мастер и Маргарита». Хроника // Русская литература. — 2007. — № 3. — С. 243–253.